

Глава 81. Производство. Ложь

Солнце палило нещадно. Вилла на острове казалась самым эпицентром пекла, впитавшим в себя всю жару небесного светила. Людям внутри было тошно, а выйти на улицу — и вовсе погибели подобно.

Теперь вся вилла источала густое, тошнотворное зловоние. Особенно доставалось первому этажу: в саду валялся труп У Хуая. Поскольку он разбился насмерть, кровь, плоть и мозги расплескались по земле. Под палящим солнцем это месиво кипело, а вокруг гудели тучи мух.

А внутри на первом этаже лежал Тянь Мин, погибший раньше всех, — и он тоже лежал в луже засохшей крови.

На первом этаже сейчас находиться было практически невозможно. Куда бы ты ни пошёл, этот смрад, словно живой, цеплялся за тебя и следовал по пятам.

Синь Синю было не до брезгливости. Ему было плевать на всё. Этот мир казался ему куда более жутким и безжалостным, чем предыдущий.

Если самоубийство Цао Янань в прошлом мире задания было всего лишь одной хитрой ловушкой, то здесь каждый шаг таил в себе капкан, ввергая его в смятение и хаос.

Но он свято верил, что где-то должна быть заветная ниточка. Стоит лишь потянуть за неё — и весь этот клубок запутанных улик послушно распутается в идеальную картину.

Неужели планшет Цзян Чи и есть та самая ниточка?

Синь Синь остановился перед дверью.

С момента прибытия в этот мир он подходил к ней уже не раз. Сломанный замок болтался на косяке.

Дверь от декорации не отличалась прочностью: полая внутри, она была куда легче обычной и сейчас стояла полуоткрытой, словно приглашая войти.

Помедлив всего пару секунд, Синь Синь толкнул створку и шагнул внутрь пропитанного смрадом павильона.

Честно говоря, ему не было страшно.

Впервые в жизни он не боялся призрака, потому что чувствовал, что Тянь Мин не злой.

Синь Синь шаг за шагом приближался к локации, с которой начался его путь в этом мире. Повсюду царил хаос, помимо потемневших пятен крови, валялись опрокинутые в панике стулья, мусор, оставленный в суматохе, и забытый реквизит...

Синь Синь даже разглядел тот самый столик, на котором лежал бутафорский нож Тан Кэ.

На нём по-прежнему стояли её стаканчик, маленький вентилятор, помада, крем для рук... Всё это покрылось тонким слоем пыли.

Казалось, первый день в этом мире был ещё вчера, но время словно растянулось в целую вечность.

Однако сейчас у Синь Синя не было времени предаваться ностальгии. Ю Ю наверху бился не на жизнь, а на смерть, пытаясь прорвать оборону Цзян Чи и выбить из него показания. А его, Синь Синя, задача заключалась в том, чтобы найти ключевую улику.

Планшет Цзян Чи, планшет...

Синь Синь сначала почтительно поклонился телу Тянь Мина, а затем приступил к обыску, двигаясь от углов к центру. Чтобы ничего не упустить, он мысленно разбил весь павильон на шесть секторов и методично прочёсывал каждый.

По правде говоря, он и сам не был уверен, что планшет Цзян Чи здесь. Если его нет тут, значит, он спрятан на пятом этаже! Тогда всё зависит только от Ю Ю...

Нет, если всё так...

Синь Синь, стоя на коленях и шаря под полками, почувствовал, как ключ, висящий на шее, выскользнул из-под воротника и начал ритмично постукивать по ключице.

Если так и есть, он возьмёт этот ключ и откроет дверь.

Даже если это ловушка убийцы, он всё равно прыгнет в неё!

Глаза и руки метались с бешеной скоростью, и Синь Синь почти перестал чувствовать ход времени. Он и не заметил, как промок насквозь от пота, волосы слиплись, а лицо и одежда покрылись толстым слоем пыли. Жирные пятна, оставшиеся от моторного масла с катера,

оставляли на полу размазанные следы.

Планшет, планшет, планшет...

Шептал Синь Синь одними губами, и этот шепот почти сливался с бешено колотящимся сердцем.

Духота и спёртый воздух до предела обострили напряжение. Казалось, он вот-вот задохнётся. Обыскав каждый уголок и не найдя ровным счётом ничего, Синь Синь пошатнулся. Он стоял рядом с телом Тянь Мина, в самом центре декорации, и обводил взглядом пространство. Голова кружилась, словно над ним прямо сейчас на бешеной скорости кружила съёмочная камера.

Ручьи пота стекали по лицу. Синь Синь, багровый от натуги, с тяжело вздымающейся грудью, вытер лоб рукавом.

Нет... Здесь точно нет...

Синь Синь медленно обернулся, и его взгляд зацепился за чёрный экран компьютера.

Он всё еще помнил ту реплику.

«Наконец-то она завершила свое произведение».

Там он уже обыскал всё.

Весь павильон был стилизован под кабинет «Ян Иньчуаня». Синь Синь перелистал каждую книгу на полках и теперь пол был усеян раскрытыми томами. Он выдвинул все ящики письменного стола и, чтобы ненароком не пропустить ни одной щели, оставил их открытыми.

Декорация рабочего стола напоминала великана, содранного с кожи и обнажившего все свои внутренности взору зрителя. И лишь одно его сердце — тот самый компьютер — оставалось нетронутым.

Синь Синь, сам не понимая почему, снова подошёл к нему.

Он едва коснулся пальцем корпуса, и на краю тут же остался влажный след от пота.

Это был старый громоздкий десктоп. Ян Иньчуань был жутким «ретроградом»: он упорно продолжал писать на компьютере, за которым начал свой путь, точно так же, как упорно держался за один-единственный метод творчества — используя живых людей.

Ладонь Синь Синя скользнула вдоль пыльного корпуса. Сухая пыль прилипла к коже. Его рука замерла у нижней части задней панели монитора.

В этом месте слой пыли был заметно тоньше, чем повсюду.

Синь Синь не особо разбирался в компьютерах, а в этих громоздких ретро-машинах и вовсе ничерта не понимал.

Ничего, справлюсь.

В голове у Синь Синя мелькнула смутная догадка: в реальной жизни у него тоже наверняка был компьютер. Как и водительские права — значит, он должен уметь с ним обращаться.

Глубоко вдохнув, Синь Синь наклонился и осторожно нащупал заднюю панель монитора. Там должны быть винты или хотя бы разъёмы...

Ага, нащупал! Но почему это защёлка?! Точно... Это же просто декорация! Это не настоящий компьютер!

Осознав это, Синь Синь резко дёрнул серую пластиковую заглушку и сунул руку в образовавшуюся щель.

Кончиками пальцев он нащупал нечто, совершенно не похожее на дешёвый пластик корпуса.

Это был металл.

Твёрдый и теплый металл.

*

Атмосфера в комнате была до жути странной — по крайней мере, так казалось Чу Си.

Ю Ю притащил табуретки, усадил всех, организовав такой маленький «круглый стол», и протянул Чу Си и Цзян Чи бутылки минералки и буханки хлеба.

Чу Си прекрасно понимала, что именно этот парень перед ней всё это время их запугивал и держал в страхе. Но, принимая воду и хлеб, она все равно буркнула «спасибо», и даже самой себе не могла объяснить, почему.

Шэнь Цинцюань же молчала. В этом не было ничего нового — она и в обычной жизни была такой, словно ничто на свете не могло вывести её из душевного равновесия.

Чу Си доводилось бывать на светских раутах вместе с четой Фан. Фан Божэнь, заигрывая с ней, ни разу не постеснялся присутствия Шэнь Цинцюань. Та лишь сохраняла невозмутимое выражение лица. «Ну и стерва, — подумала тогда Чу Си, — надо же так уметь стискивать зубы».

Услышав это, У Хуай лишь усмехнулся. Усмешка вышла презрительной, но не в адрес Шэнь Цинцюань, а в адрес самой Чу Си.

Он сказал ей: она — законная жена Фан Божэня, и каждая заработанная им копейка принадлежит и ей. Ты думаешь, она вышла за него по любви? Она вышла замуж за печатный станок для денег. Ей совершенно плевать, на каком топливе работает этот станок.

Чу Си лишь усмехнулась в ответ. Любви к Фан Божэню у неё не было и в помине — она любила славу и статус, которые он олицетворял. Но, глядя на Шэнь Цинцюань, она не могла отделаться от мысли: если речь идёт только о деньгах, то до такого уровня покорности и терпения не доходит.

Чу Си методично жевала хлеб и вдруг осознала, что её выкинули из этого «круглого стола». Было что-то такое, какой-то секрет, о котором она не знала.

Её взгляд украдкой заметался между Шэнь Цинцюань и Цзян Чи. Обида и боль от многодневного заточения словно испарились. Чу Си даже почувствовала лёгкий азарт. Она почти забыла, как Цзян Чи сидел на краю её кровати и чуть не свернул ей шею. Ей хотелось лишь одного — узнать эту тайну. Любопытство пересилило всё, даже страх.

— Раз уж господин Фан так упорно не хочет идти на сотрудничество, — голос Ю Ю звучал ровно, с таким расчётом, чтобы его было слышно и за закрытой дверью. В конце концов, он сейчас «допрашивал» Фан Божэня. — Тогда не вините меня, если я выложу всё как есть.

— Господин Фан, «Произведение» — не ваш оригинальный сценарий, ведь так?

Чу Си, которая до этого сидела потупившись, резко вскинула голову и уставилась на технаря с совершенно незнакомым лицом. На её лице читалось изумление. Оцепенев на мгновение, она тут же перевела взгляд на плотно закрытую дверь в комнату Фан Божэня.

Для драматурга, и особенно для мастера калибра Фан Божэня, подобное обвинение было смертельным приговором, способным в одночасье разрушить репутацию и пустить по миру.

Но Фан Божэнь и слова не проронил в своё оправдание.

Чу Си тут же перевела взгляд на Шэнь Цинцюань и Цзян Чи.

Это были два самых близких к нему человека. Одна — «императрица», а второй... Чу Си с

лёгкой брезгливостью усмехнулась про себя: «главный евнух».

Разумеется, Цзян Чи был не евнухом в буквальном смысле. Но как-то раз, зайдя к Фан Божэню, она случайно застала Цзян Чи буквально лежащим у него на коленях. Эта жалкая, подбострастная поза открыла ей глаза на многие вещи.

Когда Цзян Чи ушёл, Чу Си, кокетливо извиваясь, спросила Фан Божэня, кем ему приходится Цзян Чи.

Фан Божэнь лишь слабо усмехнулся, зацепив пальцем цепочку на её шее, и ответил: он помогает мне решать мелкие бытовые неурядицы.

Чу Си уловила в этих словах пренебрежение — и к Цзян Чи, и к ней самой. Но ей было плевать.

Фан Божэнь был именно таким. Он правил и контролировал всех вокруг. Все в его присутствии были лишь холопами, разница лишь в том, что одни выглядели при этом достойнее, а другие — жалче. Но когда император милует, кто не отобьёт девять поклонов, прежде чем принять указ и выразить благодарность?

Чу Си обвила рукой шею Фан Божэня и, улыбнувшись, сказала:

— Господин Фан, не надо мне ожерелий. Дайте мне лучше проект, дайте набраться опыта.

Фан Божэнь ответил, что всё уже готово. Он протянул ей синюю папку с дивана и бросил:

— Бери. И работай как следует.

Чу Си, сияя от радости, приняла папку. Но тут она вспомнила, как Цзян Чи только что стоял на коленях у дивана, а эта самая папка лежала на бедре Фан Божэня с другой стороны.

Неужели этот всемогущий Фан Божэнь, способный повелевать ветрами и дождями, на самом деле носит фальшивую золотую маску?!

Чу Си была потрясена до глубины души. Она впиалась взглядом в двух самых близких людей Фан Божэня, ожидая, что же они ответят на такое чудовищное обвинение.

Но не успели они раскрыть рты, а она уже почти поверила в эту небылицу.

— «Произведение» — не оригинальная работа господина Фана?! Госпожа Шэнь...

Лицо Шэнь Цинцюань оставалось невозмутимым. Она выглядела усталой, словно ей просто не

хотелось говорить. И лишь Ю Ю по тому, как нервно она сжимала и разжимала пальцы, понял, что она на пределе.

Почему Шэнь Цинцюань так нервничает?

Когда первоначальные показания полетели в корзину, все выстроенные на них умозаключения и цепочки улики рухнули, причём с точностью да наоборот.

Чжоу Мэнде, Чжуан Ян.

Возможно, этих двух «изначальных» имён главных героев вообще не существовало. Кто-то намеренно их выдумал.

Смена имён, скрытые послания.

Чтобы прозрачно намекнуть, что Фан Божэнь заставил Шэнь Цинцюань писать за него.

Фан Цзин, Ян Иньчуань.

— Неужели Фан Божэнь не боялся, что кто-нибудь раскусит этот ребус и поймет, что он просто присвоил себе произведение своей жены?

Не боялся. Потому что с рождения был убеждён в собственной гениальности.

Но стал бы он делать это просто так, на пустом месте?

Ю Ю скользнул взглядом по животу Шэнь Цинцюань.

— Я беременна. Не подаришь ли ты мне, а заодно и нашему ребёнку, маленький подарок?

Эту идею вынашивала Шэнь Цинцюань или Цзян Чи?

Цзян Чи говорил, что в мае, разбирая счета Фан Божэня, обнаружил следы новой пассивности своего босса.

В мае живот Шэнь Цинцюань был ещё плоским. Она постоянно нервно прикрывала его рукой — значит, срок не превышал трёх месяцев. Выходит, Шэнь Цинцюань с огромной вероятностью узнала об измене тоже в мае.

На той самой фотографии из ноутбука У Хуая, где запечатлены все четверо, одежда как раз

подходила для этого времени года.

До этого были У Хуай и Цзян Чи, но именно появление Чу Си заставило Шэнь Цинцюань почувствовать реальную угрозу.

Потому что Чу Си — тоже женщина. А любая женщина теоретически могла сместить её с законного пьедестала.

Шэнь Цинцюань, возможно, и не любила Фан Божэня. Но титул «госпожа Фан» она обожала.

Чем ещё жена, чьё положение пошатнулось, могла защитить всё, чего так долго добивалась, если не ребёнком?

— Помощник Цзян. — обратился Ю Ю к молчаливому Цзян Чи. — Нечего сказать?

Цзян Чи опустил голову, так что разглядеть его выражение лица было невозможно. Спустя мгновение он поднял глаза. На лице снова застыла привычная маска беспомощности и терзаний. Он не стал отвечать Ю Ю по существу, а лишь тихо позвал:

— Сестра...

Шэнь Цинцюань слегка вздрогнула. Она подняла лицо и встретила с Цзян Чи взглядом.

На мгновение показалось, что время повернуло вспять.

— Сестра. — позвал он. — Что ты собираешься делать?

Шэнь Цинцюань молчала, лишь осторожно прикрыв живот ладонью.

Узнав о беременности, Шэнь Цинцюань была счастлива. Но радоваться ей пришлось недолго. Вскоре она обнаружила, что рядом с Фан Божэнем появилась Чу Си — молодая, энергичная и чертовски талантливая.

— А что я могу сделать? — ответила она.

Шэнь Цинцюань посмотрела в окно. Это была студия Фан Божэня. Целый этаж в бизнес-центре, где в центре города каждый квадратный метр на вес золота. Годовая аренда — десять миллионов.

Десять миллионов... Когда она только пришла в студию, десять тысяч в месяц после вычета налогов считались отличным заработком. Тогда она и представить не могла, что кто-то может

просто так, на ветер, выбрасывать десять миллионов в год на аренду.

— Пусть себе идёт. — Шэнь Цинцюань скрестила руки на груди. — У старика Фана сейчас дикие творческие муки. После того как он закончит «Произведение», ему понадобится новый источник вдохновения.

— Сестра. — Цзян Чи стоял чуть позади, опустив голову. — Тебе же нужно хоть какой-то путь к отступлению оставить.

Путь к отступлению? Что это вообще значит? Когда Фан Божэнь женился на ней, они не стали подписывать брачный контракт. При разводе она получит половину его состояния. Разве это не запасной аэродром?

Тогда она была ещё молода и по-глупости спросила Фан Божэня:

— Господин Фан, как вы можете так рисковать? Вдруг мы разведёмся, вам не страшно столько потерять?

Фан Божэнь лишь беспечно усмехнулся, постучал пальцем себе по лбу и ответил:

— Мое главное богатство — это то, что у меня здесь. И это никто и никогда у меня не отнимет.

Шэнь Цинцюань вынуждена была признать, что она вышла за него не только из-за денег. Или, по крайней мере, не только из-за денег.

Когда красавец слишком хорошо осознаёт свою красоту, начинает чересчур её холить и лелеять, она мгновенно теряет в цене. И наоборот, чем беспечнее и естественнее человек, тем он притягательнее.

С талантом работает то же правило.

Фан Божэнь расточительно швырял свой талант направо и налево, и это по-настоящему ослепляло Шэнь Цинцюань.

И потому даже жестокость Фан Божэня, его безжалостность, непредсказуемость и деспотизм... всё это вдруг окуталось манящим ореолом.

Я люблю его. Я действительно его люблю.

Я ни за что не смогу от него уйти.

Фан Цзин, Ян Иньчуань?

Фан Божэнь на мгновение задумался, а затем рассмеялся:

— Иньчуань... Вода? Фан? Неужели это про меня?

Шэнь Цинцюань ответила, что это просто подарок для их ребёнка. Когда он вырастет и найдёт эту пасхалку в сценарии, то будет безумно счастлив.

Фан Божэнь согласился, причём выглядел очень довольным. Более того, он впервые за всё время их брака удостоил Шэнь Цинцюань профессиональной оценки:

— Цинцюань, талант у тебя неплохой. Просто ты слишком стараешься.

Сказанное Фан Божэнем для Шэнь Цинцюань было подобно удару кнутом по лицу.

Она не могла позволить себе вникать в смысл этих слов. Стоило только всерьёз задуматься, как тень тут же обволакивала и сжимала её сердце.

Она не могла уйти от Фан Божэня. Не могла. Лишившись этого сияющего ореола, она окажется посреди голой, беспощадной пустоши, где толпились одни лишь посредственности.

Шэнь Цинцюань подняла залитое слезами лицо:

— Я не знаю... Я ничего не знаю.

Она никогда не говорила, что «Произведение» — это её творение. Она лишь попросила Фан Божэня изменить имена главных героев. Она лишь делала вид, что терпит, оберегая репутацию мужа. Она ничего не сделала...

Точно так же, как он сказал.

— Сестра, ничего не делай.

— Я хочу, чтобы тебе было хорошо. По-настоящему хорошо.

Это был шёпот ангела или искушение дьявола?

Шэнь Цинцюань снова крепко обняла себя за плечи. Краем глаза она смотрела на так и не открывшуюся дверь. Ей было не по себе. Чего она боялась? Она знала. Но притворялась, что не

знает.

Она не смела смотреть на Цзян Чи.

Она убеждала себя, что по крайней мере, он не желает ей зла.

Ю Ю кивнул и снова перевёл взгляд на Цзян Чи. Тот по-прежнему носил на лице жалкую, полную страдальческой покорности маску. Ю Ю спросил:

— Цзян Чи, какие у вас на самом деле отношения с Фан Божэнем?

Казалось, Цзян Чи ожидал этого вопроса. Возможно, он долго репетировал его в своей комнате, потому что сыграл шок и напряжение просто безупречно.

— Я... я...

Он снова начал заикаться.

Ну и примитивный же у него актёрский арсенал. — подумал Ю Ю.

Цзян Чи тихо позвал:

— Сестра...

Словно он вечно был чьей-то марионеткой, безропотно подчиняясь то Фан Божэню, то Шэнь Цинцюань.

Шэнь Цинцюань молча вытирала слёзы, не отвечая.

Ю Ю задумчиво поглаживал костяшки пальцев, не отрывая взгляда от Цзян Чи.

Закончив изображать растерянность и стыд, Цзян Чи тоже посмотрел на Ю Ю.

— После университета я никак не мог найти нормальную работу, и сестра приютила меня... Я... я так подвёл сестру...